

Сянь Чэньюэ сидел на деревянной табуретке и лузгал арахис. Рядом, присев на корточки, тетушка штопала штаны. На столе высилась целая гора арахиса — белого, не такого ароматного, как красный, но выбирать Сянь Чэньюэ не приходилось. Рядом стояли две чашки с заваренной жимолостью.

Закончив шить, тетушка с доброй улыбкой обратилась к нему:

— Милок, еще чего-нибудь хочешь? У меня есть сушеный батат.

Сянь Чэньюэ кивнул, и тетушка принесла ему целую горсть. Он принялся медленно жевать кусочек за кусочком. Это был не привычный для горожан красный батат, а белый, хотя никто особо не вдавался в подробности, называя все просто бататом. Сянь Чэньюэ жевал и ловил себя на мысли, что на вкус он даже слаще того, что продается в супермаркетах.

Тетушка принялась за угощение сама, не сводя глаз с Сянь Чэньюэ и совершенно игнорируя Су Яня и Линь Минь, стоявших поодаль на меже.

— Ты, милочка, так похож на моего сына, — улыбаясь, проговорила она. — Такой же пригожий.

Сянь Чэньюэ отпил воды с жимолостью и, расслабленно откинувшись, спросил:

— Тетушка, завтра дождь будет?

Женщина посмотрела на небо. Она была худой, но с лица ее не сходила улыбка. Она подлила гостю воды, села обратно и мягко ответила:

— Кто ж его знает. Может, завтра, может, послезавтра, а может, и сегодня к ночи разразится.

Сянь Чэньюэ одарил ее улыбкой — скупой, почти неуловимой; он спрятал ее быстрее, чем женщина успела что-либо заметить.

— Улыбаешься — ну вылитый мой сыночек, — снова вздохнула тетушка.

Чуть поодаль, на меже, Су Янь переговаривался с Линь Минь. Линь Минь была тише воды, ниже травы, трусиха, каких поискать, а от волнения еще и заикалась. Она не решалась отойти от Су Яня слишком далеко, но и близко подходить не хотела, так что между ними сохранялась дистанция в полметра.

Су Янь посмотрел на Сянь Чэньюэ, который продолжал жевать батат, и вздохнул:

— А ведь я тоже ничего, правда?

Когда они проходили мимо, тетушка, вышедшая выплеснуть помой, замерла при виде Сянь Чэньюэ и тут же, подхватив его под руку, усадила за стол во дворе. Она хлопотала вокруг него, как любящая мать, подсовывая арахис и подливая воды, а Сянь Чэньюэ даже бровью не повел, оставаясь холодным, как лед. Впрочем, тетушку это ничуть не смущало.

Может, это и есть те преимущества, которые дает красивое лицо?

Су Янь не считал, что уступает Сянь Чэньюэ в привлекательности. Просто стиль другой. Нашлись бы любители и на его внешность, может, даже посчитали бы его краше.

— Сянь-гэ... он красивый, — тихо пробормотала Линь Минь. — Как кинозвезда.

Она закусила губу и застенчиво улыбнулась.

Су Янь приподнял бровь:

— Нравится Сянь-гэ?

Линь Минь промолчала, но ответ был очевиден. Сянь Чэньюэ, хоть и холоден, был силен и до невозможности хорош собой, рядом с ним чувствуешь себя в безопасности. Было бы странно, если бы он не вызывал симпатии. В людях заложено стремление к силе; даже злодей, если он достаточно могуществен и красив, обрастает толпой поклонников. А Сянь Чэньюэ не был злодеем — он был в одном лагере с ней, и его мощь служила ей защитой.

Сянь Чэньюэ продолжал беседовать с тетушкой.

— Когда начнется обряд, стой подальше, — с материнской заботой посоветовала она.

— Хорошо, — кивнул Сянь Чэньюэ. Дожевав последний кусочек батата, он поднялся.

День они провели в бесцельных прогулках.

Возвращаясь назад мимо мельницы, они увидели Лян Шу и остальных, играющих вместе с сыном мельника. Сянь Чэньюэ остановился. Мальчишка приказывал мужчине отрезать себе мизинец.

Мужчина дрожал, глядя на ребенка, не смея ни послушаться, ни причинить себе вред.

— Я хочу поиграть! — голос мальчишки был визгливым, как звук ногтя по стеклу, от него мороз шел по коже. Он походил на обычного избалованного ребенка, который без конца повторял: — Отрежь и дай мне поиграть! Не хочешь руку — тогда отрубай голову!

В руках у мужчины был тупой нож. Он смотрел на свою ладонь, пот градом катился по лбу, глаза застилали слезы, тело сотрясала крупная дрожь. Он едва держался на ногах, умоляюще поглядывая на Лян Шу и остальных. Но его товарищи были так напуганы, что онемели, а если бы и могли говорить — никто не рискнул бы занять его место.

Мальчишка вдруг перестал кричать. Опустив голову, он зловеще спросил:

— Вы ведь обещали со мной поиграть?

Солнечный свет падал на его лицо, и казалось, будто в кусках гнилой плоти что-то шевелится.

Стоило ему открыть рот, как уголки губ треснули до самых ушей. Он не сводил глаз с мужчины с ножом. Тот в отчаянии смотрел на Лян Шу, крупные капли пота падали на траву, мгновенно впитываясь в землю.

— Давай сюда! — взвизгнул мальчишка. — Отдашь или нет?!

— Фэн-гэ, — дрожащим голосом произнесла Лян Шу, — п-послушай его.

Мужчина был в полном оцепении. Он поднял нож, но рука не слушалась.

— Давай ты, — он протянул нож Лян Шу, бледный как полотно. — Я положу руку на камень, а ты руби.

Лян Шу посмотрела на другого мужчину из их группы:

— Чжоу-гэ, сделай это ты. У меня сил мало, боюсь, Фэн-гэ намучается.

Чжоу-гэ тоже был в ужасе, но возразить не посмел — он понимал, что выбора нет. Если за нож возьмется Лян Шу, Фэн-гэ придется куда хуже: тупым ножом нужно ударить изо всех сил, чтобы отсечь палец с первого раза. Иначе придется пилить кость, причиняя невыносимую боль.

— Я... я попробую, — сглотнул Чжоу-гэ.

В реальной жизни он даже курицу не убивал, а рыбу ему всегда чистили продавцы на рынке. Фэн Чжун положил руку на плоский камень, зажмурился и напряг все мышцы. Лян Шу и Се Юминь не могли на это смотреть. Только мальчишка хихикал, стоя рядом и не сводя глаз с мизинца Фэн Чжуна.

Чжоу-гэ поднял тупое лезвие. Даже старый, зазубренный нож на солнце казался опасным. Лян Шу и Се Юминь глубоко вздохнули и отвернулись.

Первый удар не отсек палец, но раздробил кость. Фэн Чжун взвыл и покатился по земле, заливаясь слезами. Мальчишка подошел и пнул его в живот:

— Еще не отрезал! Живо вставай!

Фэн Чжун стиснул зубы от боли, не в силах вымолвить ни слова. Мальчишка посмотрел на Чжоу-гэ и закричал:

— Режь! Отруби ему палец!

Чжоу-гэ шатаясь подошел к Фэн Чжуну. Его ноги сводило судорогой, все тело била дрожь.

— Фэн Чжун... — прошептал он, опускаясь на колени рядом с ним.

Фэн Чжун уже ничего не слышал, кроме адской боли от раздробленной кости. Чжоу-гэ силой прижал его руку к камню, велел Лян Шу и Се Юминь держать голову и ноги товарища, а затем начал бить ножом снова и снова.

Чем сильнее бил Чжоу-гэ, тем страшнее становилось Фэн Чжуну, и тем шире расплывалась улыбка на лице мальчишки. В его огромных глазах отражалось лицо Фэн Чжуна — вздувшиеся вены, холодный пот, выражение невыносимого страдания. Все это приводило ребенка в восторг. Он кудахтал, как курица.

Наконец мизинец был отсечен. Мальчишка наклонился и поднял палец — обычный мужской мизинец, некрасивый, с искривленным суставом, грязным ногтем и рваными краями плоти, весь в крови. Не брезгуя, ребенок отправил его в рот, словно это было лакомство.

Лян Шу и остальные наблюдали за ним. Получив игрушку, мальчишка начал грызть ноготь на мизинце Фэн Чжуна, как свой собственный, а потом с хрустом переломил сустав.

— Этот невкусный, — мальчишка впился в Лян Шу своими круглыми рыбьими глазами, но голос его звучал по-детски капризно: — Хочу твой средний палец!

Лян Шу отступила на шаг. Она посмотрела на Фэн Чжуна, который потерял сознание, а потом на Чжоу-гэ, застывшего с ножом в руке.

— Сяо Шу... — закусила губу Се Юминь.

По спине Лян Шу градом катился холодный пот, пропитывая одежду.

— Юминь, помоги мне. Найди кусок дерева, я зажму его в зубах, а Чжоу-гэ пусть рубит, — Лян Шу понимала, что им не сбежать. Пирожные из маша еще не получены, Фэн Чжун уже лишился пальца, и теперь нельзя останавливаться.

Но страх был таким сильным, что хотелось просто упасть в обморок и забыть обо всем на свете.

Чжоу-гэ с окровавленными глазами опустил на землю, закрыв лицо рукой:

— Больше не могу... я не справлюсь, я не могу...

Он действительно сделал это — удар за ударом отрубил палец Фэн Чжуну. Тогда он ничего не слышал: ни стонов, ни криков. Но сейчас, когда разум прояснился, он не мог поверить, что собственноручно искалечил человека.

— Чжоу-гэ, — Лян Шу, бледная как смерть, выдавила из себя подобие улыбки. Зубы у нее стучали, дышать было трудно, но она должна была успокоить его. — Чжоу-гэ, мы не можем остановиться. Нам нужны пирожные. Фэн-гэ уже пострадал, мы не имеем права отступать.

— Чжоу-гэ! — крикнула она.

— Потерпи... — всхлипывая, проговорил Чжоу-гэ.

Кости у Лян Шу были тоньше, чем у Фэн Чжуна, палец отделился после третьего удара. У нее были красивые, тонкие, белые пальцы. В той жизни она играла на фортепиано, немного на гучжэне и цине — ее руки были ее инструментом. Теперь это совершенство было уничтожено.

Лян Шу стиснула зубы и посмотрела на мальчишку. Похоже, он остался доволен, раз спрятал ее палец в карман.

Теперь... теперь всё?

Они прошли испытание?

Столько жертв, такая боль — они ведь теперь получают свои пирожные, правда?

Мальчишка вдруг хмыкнул. Его странные глаза блеснули, из горла вырвался хрип, и он указал тонким пальцем в сторону дороги:

— Пусть он подойдет поиграть со мной!

Лян Шу и остальные обернулись.

Мужчина, стоявший у дороги, выглядел безупречно. Черные волосы, бледная кожа. Он стоял там, глядя на пейзаж или кого-то выжидая.

Сердца Лян Шу и ее спутников рухнули в бездну.

Сянь Чэньюэ не нужны пирожные. Поможет ли он им?

Поможет ли?

<http://bllate.org/book/18701/1807457>